

Дмитрия Савицкого многие знают как автора передачи «49 минут джаза» на Радио Свобода. Однако его имя вошло в русскую литературу уже в 60 – 70 годах; благодаря самобытным стихам он стал оригинальным представителем поэтического андеграунда. Дмитрий уехал на Запад в 1978 году, где и была опубликована его проза: «Раздвоенные люди» (1979), «Антигид по Москве» (1980), «Ниоткуда с любовью» (1982), «Вальс для К.» (1985). После перестройки некоторые вещи Савицкого были изданы в России и стали одним из заметнейших событий русской литературы XX века.

и написал кучу стихов. Потом мать переселилась в дедовскую квартиру – бабка умерла, и оставила мне эту комнату в коммуналке, мне тогда было лет 25. Так что, если вспомнить психоанализ, можно сказать, что у меня никогда не было собственного места. Понятие места – в какой-то момент становится центральным: страна, родина... Актуально это понятие и нынче.

– А Париж вы не ощущаете таким местом?

– Конечно, Париж – мой город, но я от него преустал. Пора перебираться куда-нибудь ближе к морю. Важно иметь что-то свое, тем более что этого своего никогда не было. Когда я пришел из армии, то оказалось, что мои старые знакомые общаются со смогистами, и я помню, как Геша Гончаров, художник, меня отвел к Губанову. Так и познакомились: Губаныч, Кубановский, Алена Басилова, потом

было безумное счастье. Коктебель казался свободной зоной, где не существовало советских правил игры, туда приезжали потрясающие люди, в основном, из Питера, там я впервые после армии почувствовал себя свободным. Мария Николаевна была очень умная и тонкая женщина, помогла мне выговорить весь армейский кошмар. Она умерла год назад, а тогда ей было 60 лет, смешно. Мне через три года 60.

– Не похоже.

– Пройдет. В Коктебеле я начал писать стихи, которые потом уже не сжигал. Тексты того времени были поиском в разных направлениях, этаким деревом с совершенно разными листьями. А потом, потому появилась Оля из Парижа, и жизнь пошла совсем по иному пути. Попав в 1978 году на Запад – по личным, как вы понимаете, причинам, – я не собирался оставаться здесь, думая, что смогу жить

с кошками по-немецки и так далее... Так вот, я отослал паспорт Брежневу, а он мне не ответил, мерзавец. Хотя, думаю, в те времена он уже не мог ни писать, ни подписываться. 1979 год. Бог с ним! Я проработал во французской прессе 11 лет: с 78-й по 89-й, выпустил 4 книги по-французски. Кое-что есть и по-итальянски.

– Вышли ли эти книги по-русски?

– Нет. Книги, изданные во Франции и имеющиеся в виду французского читателя, я по-русски не выпускал. Я довольно много поездил – когда выходишь из клетки на свободу, хочется двигаться! Первые годы не имел никаких отношений с русской диаспорой.

– И до сих пор вы живете по этому принципу?

– Почти. Я взглянул на них и понял, что они живут на острове, а не во Франции, а мне это было неинтересно. Я отказался

ко? (поэт, композитор. – И. Р.)

– Я знаю Алексея еще по Москве, но почти не вижу, в театре его не бываю. Тяга к самоизоляции, наверно. Я его люблю, но мы не были никогда слишком близки. В принципе, я – человек-одиночка, и в зависимости от жизненных периодов я перемещаюсь, временно пускаю корни, ищу людей, которые мне могут быть как-то близки, будь то в Израиле, в Италии или в Америке. Может быть, я допустил в свое время серьезную ошибку, не оставшись в Нью-Йорке, у меня там были возможности в миллион раз интереснее, чем в Париже, – и в смысле публикаций, и в смысле людей...

– А теперь уже поздно?

– Просто они все умерли. Бродский, Шмаков..., Либерманы.

– И Берберова тоже...

– «Железная женщина» меня никогда не интересовала, я был с ней немного знаком.

– А когда вы познакомились с Иосифом Бродским?

– Через покойного Гену Шмакова, которого Бродский считал своим интеллектуальным учителем, как и Евгения Рейна. Как-то Гена позвонил мне, и сказал, что ему нравится то, что я пишу. Он был одним из самых больших эрудитов нашего поколения. Он знал массу языков, переводил с греческого, переводил Кавафи; он и познакомил меня с Иосифом. Если бы я остался в Нью-Йорке, как мне кажется, у меня было бы немало шансов видеться с ним чаще. А так мы с ним немного переписывались, а когда меня кошмарно перевели на английский, я отправил ему перевод, и он написал довольно крутое письмо издателю. Иосиф были жесток и очень изброжелателен, но когда ему нравилась моя писанина, ей-богу, это было приятно.

– Еще бы.

– Его любил, как большинство из нас, и он меня огорчал: его поведение было совершенно самоубийственным. Но он был таким, и точка. Строгая диета, никаких сигарет, тормозить с выпивкой – чаще всего он плевал на это. Слово презирал организм за слабость. Чрезвычайно мужественный – сам себя отвез в госпиталь в инфарктном состоянии, к примеру. Но об этом уже все написано, и людьми действительно близкими. Я любил и его, и Гену Шмакова, который уже был болен СПИДом. Люба Штерн, подруга детства и Иосифа и Гены, выпустила, на мой взгляд, отличную книгу про Бродского под названием «Иосиф, Ося, Иосиф, Джозеф».

– А вы сейчас пишете стихи?

– Почти нет.

– Вы следите за русскоязычным литературным процессом?

– Как-то слежу, и, в общем, довольно тошно. Какие-то талантливые имена должны появиться, не сомневаюсь. Мне понравился тот, кого все боятся и кого бьют ногами, – Ширяев, человек, написавший прозу про наркоманов, в которой использована так называемая ненормативная лексика. Я хотел опубликовать эту вещь на Западе, но она непереводима, называется «Низкий пилотаж». Сильный текст, самостоятельный автор. Я имел дело с русскими авторами, поскольку искал выход на какой-то бизнес и несколько лет проработал литературным агентом, опубликовал Светлану Алексиевич, Сашу Кабакова. Но сейчас с русскими писателями не работаю – трудно, да и русскую тему сейчас не любят и не печатают.

– Последний, банальный вопрос: чем вы занимаетесь и чем собираетесь заниматься?

– Свободного времени очень мало, заработок отнимает 99 процентов временного пространства. Радиопередачи, какими бы легкими и легкомысленными ни казались, требуют суровой подкладки, я их подолгу готовлю. Я не хочу больше писать урывками; мне нужно 6-7 месяцев свободного времени подряд, а лучше – год-два. Книг, готовых в голове, – три, написано в компьютере из каждой по несколько глав. Фрагментарная работа раздражает, но очень мало надежды на то, что я вдруг вывалюсь из этого ритма. Я не против появившегося откуда-нибудь менената... Должны выйти книги на английском и французском языках, но иллюзий по поводу большого дохода никаких, я слишком хорошо знаю существующий книжный рынок. Однако вариантов нет, буду продолжать бить в ту же точку. Стилистически хотелось бы написать какую-то внеэмоциональную прозу, белым по белому. Но это трудно, эмоции и – хохмачество.

– А о чем?

– Всегда пишешь об одном и том же. О себе.

– Спасибо. Удачи! С Новым годом!

Ирина РАШКОВСКАЯ,
Париж – Дортмунд

Дмитрий САВИЦКИЙ: «Я отослал свой паспорт Брежневу с сопроводительным письмом»

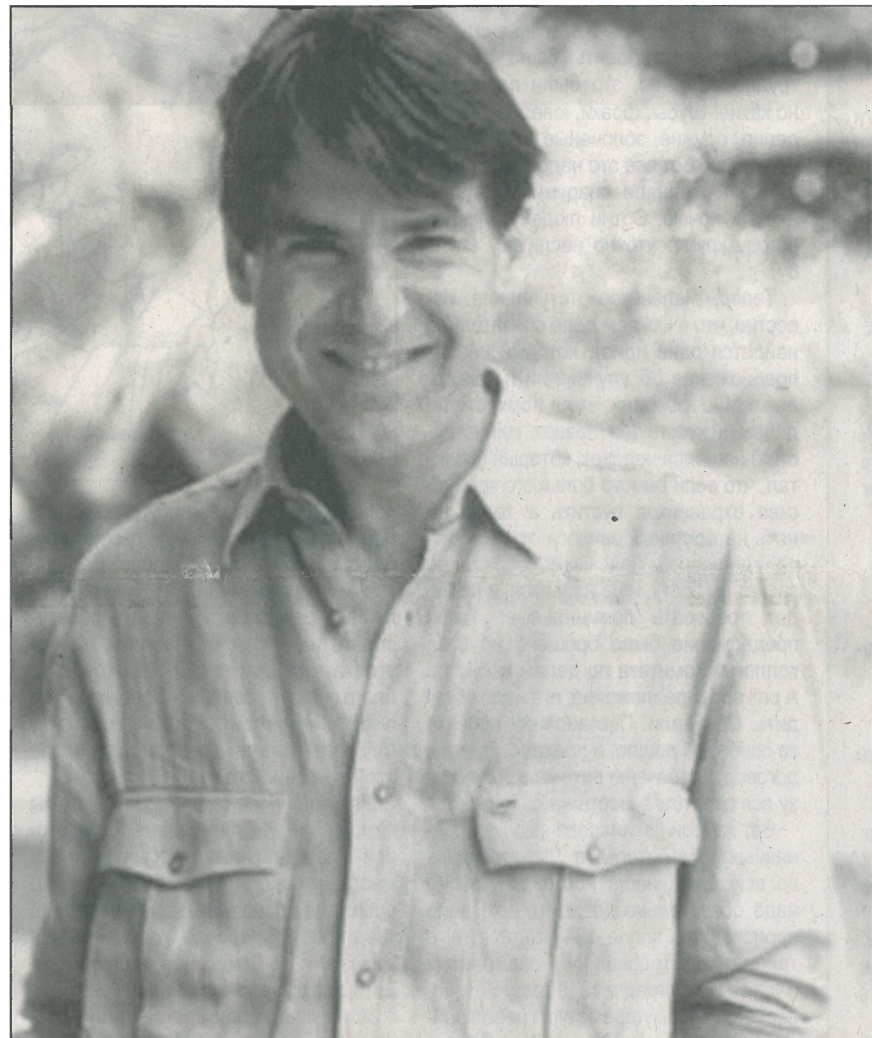
Таня Реброва... Я был всегда сам по себе. Пошел работать в многоэтажку «За доблестный труд», я ее, конечно, называл «За доблестный труп». Писал под шестью псевдонимами, включая псевдоним «Ольга Жутковец». Тогда же я совершенно случайно попал в Литинститут – кто-то отправил туда мои стихи, так что вдруг обнаружил себя в Литинституте на заочном отделении. Раз в неделю – семинары у великого поэта Льва Ошанина. Как-то туда приперся в качестве гостя Эд Лимонов в компании Славы Лена, и мы стали большими друзьями. Я подружился с Лимоновым больше 20 лет – до того момента, как он нырнул в политику. Однажды он пришел сюда с одним «черным» полковником, и это стало точкой нашего расставания. Все кончилось. Он решил, что для него политика гораздо важнее литературы. Выбор есть выбор.

– А вам не кажется, что он просто валяет дурака?

– Нет, это гораздо серьезнее. Вряд ли я ошибаюсь, я его слишком хорошо знаю. Итак, с одной стороны я навещал семинары в Литинституте, с другой – торчал на кухне у Володи Алейникова, где вечно сидел все тот же Лимон, забредали Игорь Ворошилов, Андрей Лозин с женой Машей, и оттуда потянулась ниточка к Володе Яковлеву, Стесину, Шварцмену – в недра подпольной Москвы. Это были поэты не совсем мне близкие, говоря о том же Лимонове, обериутов и Хармса я уже знал, хотя и у него и у Алейникова были отличные свежие тексты. У Володи – звукопись, музыка слов, эдакая абстрактная симфония, но иногда потрясающе сталкивающиеся потоки слов. Володя был прекрасен, красив, безумен. Всех, конечно, губила водка. Мы с Лимоновым могли, не закусывая, выпить три бутылки водки, продолжая разговаривать. Вся эта компашка – не подвальных, а ниже погребя, – людей пишущих и рисующих, – примыкала к людям, сидевшим на двух стульях. Например, Генрих Сапгир. С одной стороны, это был мэтр подпольной поэзии, с другой стороны – автор букваря, т. е., по нашим понятиям, миллиардер...

– Ну уж миллиардер...

– А вы представляете, сколько мам и пап покупали обязательный букварь? Безумно богатый человек и безумно щедрый. Нас всех кормил. Кормил всех, кто влезал чуть ли не через окно. А вокруг были художники, замечательные, Олег Целков, например. Но художникам было легче: картины можно было продать иностранцам, или своим же друзьям побогаче... Потом, кажется, Лимон, запустил следующую моду. Мы начали печатать на машинке стишки под копирку, 5-6 экземпляров и продавать их по три рубля. В то время я жил полгода в Москве, полгода в Коктебеле. Из Литинститута меня вытурили с 4 курса за очень плохую повесть, которую сочли антисоветской, мне дико повезло – повесть была никудышня, про армию... Могли и посадить, но решили, видимо, что у меня с нервами не в порядке (Ошанин предложил этот приятный вариант), и, в общем, не ошиблись – у кого они в порядке из этого поколения? Володя Алейников мне дал один адрес в Коктебеле, я поселился в доме совершенно замечательной женщины, Марии Николаевны Изоргиной, на должности поэта-кухарки. Это было лучшее время моей российской жизни, наверное: я жил в Коктебеле вне сезонов, и это

между двумя странами. Но пришлось выбирать, к тому же в течение нескольких дней. Мне в общем-то повезло: буквально через два месяца я начал печататься во французской прессе. Первая статья вышла в музыкальном журнале, про подпольный джаз, и меня пригласили сотрудничать в «Либерасьон» – самую в те времена левую и свободную газету страны; я получил карт-бланш от Сержа Жюли, главного редактора. Все, назад пути не было. Я приехал 14 июля, в день Бастилии – так захотела моя подруга. Чтобы салют был – мол, видишь, как мы тебя принимаем! Это было в двух шагах отсюда, на той круглой площади Контрэскарп, где за углом жил Хемингуэй, а до него, сильно до него – Декарт. Той зимой каждый уикэнд в «Либерасьон» выходил разговор с моей статьей. И я отослал свой паспорт Брежневу с сопроводительным письмом, в котором говорил, что решение принято самостоятельно, и на меня никто не повлиял ни с той, ни с этой стороны. Где-то в «Русской мысли» письмо это сохранилось. Помню глаза сотрудницы почты, увидевшей адрес: Москва, Кремль, Брежневу... Мои первые две книги вышли под псевдонимом Александр Димов, хотя для ГБ это было абсолютно прозрачным. Мне везло в те годы – контракты на книги, работа в прессе – будь то «Мир музыки», «Рок и Фольк», «Луи», этот местный «Плейбой», или же «Литературный журнал» – все давалось легко...

– Вы хорошо владели французским?

– Нет, но у меня был хороший английский. Статьи, та же Мария Николаевна говорила, что можно делать ошибки в любом языке, кроме французского. Она говорила по-французски со своей собакой,

Мне посчастливилось недавно побеседовать с Дмитрием Савицким у него дома, в самом центре Парижа – Латинском квартале.

– Я прочитала ваш роман «Ниоткуда с любовью» впервые в 91-м году и буквально заболела этой вещью, которая мне показалась одним из лучших образцов поэтической прозы. Вы написали этот роман в 1982 году, уехали в 1978. А что же было до этого?

– Я пишу с 13-14 лет, но был как-то в стороне от тех, кто позднее вошел в «Смог» (самое молодое общество гениев), потому что они остались в Москве, а меня забрали в армию. Я попытался сачкануть, но не вышло: заремел в войска МВД и 37 месяцев провел в атомной зоне Томска-7. Было страшно? Не очень. Армия – насилие в любой стране. Моя мать хотела сделать из меня настоящего мужчину, но сделать настоящего мужчину с помощью радиации довольно трудно. Я вернулся из армии в состоянии слегка потерянным, что естественно – подземные заводы по производству оружейного плутония, зона с зеками и вообще... дуриками, работающими на очистке зараженных помещений... Частично это вошло в прозу.

– А до этого была еще школа...

– Меня выгнали из школы за несоветское отношение советского юноши к советской девушке. Обнималовка-зажималовка... Замечательная девушка Лариса... И вдруг все так кончилось. Меня должны были судить товарищеским судом, но я предпочел свалить. Школу я заканчивал намного позже, вечернюю, метростроевскую... Я попадал в нее через метро «Сокол», там были специальные двери, через которые мы шастали, и я впервые увидел, что в метро есть секретные пути, через которые возят какие-то части ракет...

– А учились в школе плохо?

– Да нет, ничего. Конечно, ни фиги не делал. А чему можно учиться в совковой школе? Ну, химии, математике... Нормальным наукам. А остальное же – бред собачий! Нас строили в актовом зале, и мы пели: Сталин и Мао – братья навек...

– А мы пели: наш дорогой Леонид Ильич, товарищ Брежнев...
– Да, у вас еще маразматичнее... У нас хоть величины были крупные... Так что я учился и работал на заводе, где познакомился с людьми на 12 – 15 лет старше, они все писали, и они мне дали тексты, которых как бы не существовало: Ахматова, Цветаева, Мандельштам... Иметь их на руках в 60-м году означало посадку; «Дикая кошка – армянская речь», – и все, поехали. Друзья, которых я встречал позднее в Нью-Йорке, Тель-Авиве или Лос-Анджелесе, помнили, как я тогда читал наизусть километры этих стихов. Стоило начать разговор, как он тут же наполнялся цитатами. Ими мы и общались. В какой-то момент наша компания оставила завод, и все мы пошли работать рабочими сцены в «Современник». В это время умер мой дед, генерал-майор Генштаба, я у него тогда жил, я приватил два ружья с нарезными стволами – запрещенные, и свалил из дома. Меня заребрили и арестовали. Я отделался, но ружья конфисковали. Проработали мы в «Современнике» года три, а потом решили, что там мало платят, и мы все – с той же компашкой – отправились на пищевую фабрику имени Микояна, работать грузчиками.

– Имена-то какие...

– Да, имена... Там НАРОД главное – ОТЬЕДАЛСЯ; у всех в раздевалке запас копченой грудки висел, сухое молоко, сахар, концентраты, изюм... подножный корм.

– А где вы тогда жили?

– Я жил то у друзей, то у подруги, в Волконском переулке. Когда я вернулся из армии, моя мать жила в коммуналке, и соседи согласились, чтобы я поселился в 4-метровом чулане. Там я прожил лет 5-6